

A young woman with vibrant red, wavy hair and freckles is shown from the chest up. She has her eyes closed and her hands are pressed together in a prayerful gesture, holding a large, brilliant-cut diamond. The diamond is glowing and emitting a rainbow-colored light trail. She is wearing a dark green, long-sleeved dress with intricate gold embroidery around the neckline and cuffs. The background is a dimly lit interior with tall, narrow stained-glass windows that allow soft, colorful light to filter through, creating a magical atmosphere.

Фесс

Цветные Грани

Фесс Фесс

Цветные грани

<https://litres.ru/73985021>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где судьба человека решается Отбором, а кристаллы дороже жизни, нет правильного пути. Благословленные связью, получившие от рождения силу кристаллов никогда не поймут диссонантов - изгоев без власти над камнями.

Мрачная история, полная драмы, неожиданных поворотов и антиутопичных пейзажей, где любовь идёт рука об руку со смертью.

Обретите надежду!

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	8
ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ	8
***	20
***	24
Глава 2	30
Холод	30
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Фесс

Цветные грани

ПРОЛОГ

*"Человечество не знает врага
страшнее, чем оно само.*

*Мы сотворили себе ад на земле -
и назвали его цивилизацией."*

- Умберто Эко

На Ордонис опускалась ночь, и на чердаке было мрачно и зябко. Подлокотники старого, потертого дивана внушительным слоем устилала грязь, намешанная из пыли и влаги, временами капавшей с давно прохудившегося потолка; пробирающий до костей сквозняк лениво колыхал обрывки занавесок. Прогнивший деревянный стол без одной ножки крепился от каждого дуновения, каждое мгновение рискуя отправиться в недолгое бесславное падение. Стены терялись во мраке, и темная комнатка казалась больше, чем была на самом деле. Снаружи тихо шипела на шифере мелкая морось, знакомая и неприятная для каждого, кого хоть раз заставала на улице без зонта. Среди сырости, старого хлама и размокших коробок только одно было неестественным. В холодный воздух посреди комнаты рваным ритмом подни-

мались маленькие облачка белого пара, как дым от костра в поле, явно выдавая жизнь.

И жизнью этой безраздельно владел страх. Стараясь дышать не громче дождя, а двигаться и того тише, по засаленному ковру медленно полз на четвереньках худощавый юноша. Умудрившись не задеть кучки тут и там валяющихся вещей, он добрался до угла, что напротив чердачной лестницы, у самого окна, и тяжело привалился спиной к осыпавшейся штукатурке. Правой рукой он зажимал глубокий, от плеча почти до локтя, порез на левой, из которого медленно сочилась темная кровь. Оглядевшись, парень подтянул к себе грязную тряпку, бывшую, похоже, когда-то наволочкой, встряхнул - комки пыли с парой засохших муравьев полетели на пол - несколько раз обернул вокруг раны и затянул узел.

Глаза юноши забегали по комнате, не останавливаясь ни на чем надолго, пока он не убедился в относительной безопасности своего укрытия. По всему городу найдутся сотни подобных чердаков и других укромных местечек, где его могут искать.

— М-да, Уилл, умеешь ты найти себе приключений на задницу! - тихо проворкотал он себе под нос. Рука скользнула во внутренний карман потрепанной жилетки, нащупала холодный металл на шнурке. Парень вытянул серо-зеленый кулон овальной формы - маленький красный камушек сбоку тускло блеснул во мраке; ещё раз стрельнул глазами по

сторонам и подцепил потайную защёлку обломанным грязным ногтем. Верхняя часть безделушки откинулась, и комната слегка осветилась мягким, чуть пульсирующим светом. Уилл поспешно прикрыл кулон ладонью, но оставил небольшую щель, чтобы разглядеть добычу.

Он замороженно глядел на тоненький осколок будто бы кварца или стекла, изредка вспоминая вдохнуть. Осколок переливался всеми красками, которые когда-либо знал этот мир, и казался Уиллу чем-то неземным и до одури странным.

Тихий скрип лестницы на чердак мгновенно бросил юношу в холодный пот, Уилл поспешно вернул крышку на место и в ужасе зажал кулон в дрожащем кулаке.

Отвыкшие от темноты, безумные от страха глаза уперли взгляд в перила, выглядывающие напротив... Но секунды медленно текли одна за одной, а скрип все не повторялся.

Уилл позволил себе тихонько вздохнуть, обмяк у стены и прикрыл глаза.

Что ж, пронесло... Снова. Надо придумать, как проташиться через полгорода до исхода ночи и не попасться, а иначе лучшее, на что он мог надеяться - что его тело, изодранное до неузнаваемости, утром выловят в порту.

Дождь убаюкивал, предлагал полежать ещё немного, набраться сил для следующего броска, капнул пару раз откуда-то сверху прямо на запятнанную кровью рубаху, где-то над головой тихо зазвучал гром, напоминая утробное звериное рычание...

Волосы Уилла встали дыбом, дыхание сперло, глаза распахнулись. Юноша поднял взгляд к потолку. То, что предстало перед его глазами, не было капризом природы.

Изломанные, вывернутые под неестественными углами когтистые конечности обхватили стропила, кожа, покрытая волдырями и струпьями, клочки грязных, спутанных волос, без системы и явного умысла раскиданные по костлявому телу. Из разверстой клыкастой пасти на плечо Уилла упала капля слюны; большие, светящиеся во мраке жёлтые глаза с узкими зрачками с секунду хищно и торжественно впились в парня. Тварь завывала и прыгнула на Уилла.

На Ордонис опускалась ночь, и дождь заглушил отчаянный предсмертный крик.

Глава 1

ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

– Подъем! – из дверного проема раздался строгий женский голос, – Сегодня очень важный день для всех нас, дочь моя, и тебе ни в коем случае не дозволено прохлаждаться. Ты должна быть на Отборе ровно в полдень!

Из-под пухового одеяла, сбитого в кучу, свисала с кровати небольшая ножка. В ответ на крик пальцы на ноге чуть дернулись, и ступня проворно скользнула обратно под теплую защиту, будто бы в постели и не было ничего, кроме большого и мягкого покрывала. Кажется, маленький обитатель этого убежища надеялся, что суровая матушка, вечно раздувающая драму из любой мелочи, поворчит немного и откажется от поисков так хитро и надежно спрятавшейся дочери.

– Эсферрия Гладстоун, не заставляй меня принимать меры! Немедленно поднимайся и приведи себя в порядок, милочка, – угрожающе прошипела матушка.

Что ж, похоже, в этот раз никаких хитростей, даже самых гениальных, не хватит, чтобы отвадить Сильвию Гладстоун - невысокую женщину, минуту назад распахнувшую настежь дверь в комнату. Ее русые волосы были стянуты в тугий пучок на затылке, строгое темно-синее платье было идеально

выглаженным и безукоризненно чистым, а черные туфли-лодочки идеально начищены. Единственной уступкой исключительной строгости и скромности были маленькая золотая брошь в виде головы оленя с желтыми кристаллами вместо глаз, давным-давно подаренная законным мужем к свадьбе и золотое же кольцо на безымянном пальце.

И сейчас это живое воплощение добродетели и аристократического достоинства никак не хотело дать Ферро поспать еще хоть чуть-чуть. Когда Сильвия Гладстоун называет тебя полным именем, ты либо подчиняешься, либо сталкиваешься со страшными последствиями. Одеяло зашевелилось, из-под него раздалось нечленораздельное мычание.

– Поторопись, Эсферрия! Завтрак подадут через пятнадцать минут, и твой отец будет крайне недоволен, если ты опоздаешь к столу, – уже менее строго, но все еще решительно проговорила Сильвия и закрыла дверь. Приглушенные вниз шаги по лестнице сообщили, что отпущенное время пошло.

Ферро откинула одеяло до пояса и уставилась в потолок. На фоне аккуратно вытесанных, добротных деревянных перекрытий и полупрозрачного лилового балдахина в воздухе висели, покачиваясь, мельчайшие частички пыли, освещенные лучами утреннего солнца.

Девушка села в кровати, повернула голову к окну. В синем безоблачном небе проворно порхали, весело чирикавая, маленькие птички, возвещавшие прекрасное утро нового дня.

До ушей Ферро донеслись звуки музыки с площади под окнами - и, похоже, играли уже давно. Ферро пожала плечами - она всегда любила поспать, и разбудить ее было не самой простой задачей. В носу засвербило, сдержаться было выше любых сил, и Ферро от души чихнула, спугнув изумрудную стрекозу, севшую на подоконник.

Подставив веснушчатое лицо солнцу и теплому ветерку, она зажмурилась и сладко потянулась.

– И-и-и-эх-х-х, ну вот, уже и вздремнуть нормально в этом доме нельзя! – улыбнувшись и широко раскрыв ярко зеленые глаза, Ферро сбросила одеяло, вскочила с кровати и подтянула ночную рубашку, сползшую с плеча. Проигнорировав мирно стоявшие у письменного стола пушистые тапочки, она босыми ногами прошлепала к двери. Юная девушка коснулась дверной ручки, оглянулась напоследок; все было в порядке, как она и оставила с вечера... А вернее сказать - в жутком беспорядке, какой может быть только в комнате у пятнадцатилетнего подростка: на столе кучей лежали книги, различные вещицы раскиданы по углам, стены увешаны рисунками еще не виданных миром животных и предметов, а посреди комнаты стояла куча одежды, наваленной так плотно, что под ней можно было только угадать деревянный стул со спинкой.

– Пока, любимая комнатка, вернусь вечером... Но уже немного другой, – и, провернув ручку, толкнула дверь.

– Ой! – воскликнул кто-то с другой стороны, когда откры-

вающаяся дверь влетела во что-то мягкое, – Доброе утро, юная госпожа! А я уже решила заглянуть к Вам, убедиться, что вы не проспите сегодняшний день, не то Ваша маменька... В смысле - госпожа Гладстоун была бы в жутком расположении духа.

– Доброе утро, Марта! – потирая глаза, Ферро от души улыбнулась при виде своей гувернантки - слегка полной немолодой женщины, одетой в белый фартук поверх чуть подвыцветшего, но чистого желтого сарафана и серый чепчик на седеющей голове. – Прости, что стукнула. Моя одежда уже готова?

Морщинки на лице служанки слегка углубились от улыбки, добрые темные глаза с теплом глядели на заспанную девушку:

– А как же! Ваш наряд постиран, выглажен и висит в туалетной комнате, как и велела Ваша матушка, юная госпожа. Ох и непросто было его выудить из той прорвы одежды, которую Ваша светлость разместила на полу! – с притворным укором проговорила Марта, – Сегодня Вам должно быть умицей и красавицей, и так оно и будет, я уверена. Что же до меня, то скромная домработница может лишь пожелать удачи юной госпоже... Ах, что же это я? Поторопитесь, леди, иначе опоздаете к завтраку, и господин Гладстоун будет недоволен. Мы ведь не хотим его сердить, верно? – гувернантка хитро подмигнула, прекрасно зная, что Ферро находит своего отца очень забавным в гневе, и не без причины.

– Да-да, разумеется, не хотим... — Ферро чуть помедлила, а затем вдруг подалась вперед и заключила ту в объятия, — Марта... Мне немного страшно. А что, если загорится синий? Я не хочу быть воином или строителем!

Марта в ответ прижала девочку к себе: — Не волнуйтесь, леди Эсферрия, нет причин бояться. Ваш род - потомственные Мыслители вот уже четыре поколения. Почему бы династии менять цвет именно на Вас?

– Наверное ты права... Спасибо тебе! — Ферро действительно стало немного легче на душе: Марта с самых пеленок умела утешить девочку, — Я побегу умываться, не то грозный лорд Гладстоун собственной персоной, самолично поднимется сюда и покарает нас всех! — И, хихикая удачной колкости, Ферро направила свои босые ноги в туалетную комнату.

Там девочку встретили несколько полотенец, трехногий деревянный табурет, дубовая бадья для умывания, до половины наполненная колодезной водой, и массивный туалетный столик темного дуба, на котором ровными рядами были разложены принадлежности, которым юная госпожа, к вящему недовольству матери, питала не слишком теплые чувства. Гребни, флаконы с духами, румяна и всевозможные пудры казались Ферро не предметами гигиены, а инструментами маскировки, за которыми люди пытаются скрыть не самые лучшие свои стороны. Но гордостью ее матери, госпожи Гладстоун, в этой комнате всегда было большое массив-

ное зеркало в позолоченной деревянной оправе, занимавшее треть стены и, как казалось девочке, весившее целую тонну.

Плеснув несколько раз в лицо ледяной водой из бадьи, Ферро взглянула в зеркало, не ожидая увидеть ничего нового.

Капли влаги стекали по не слишком загорелому лицу, покрытому веснушками, окружавшими небольшой, слегка вздернутый носик. Под ним - красиво очерченная линия губ, заканчивающихся точеным подбородком. Взлохмаченная ото сна копна волос цвета меди вьющимися локонами опускалась чуть ниже плеч. Все это дополняли большие зеленые глаза, цвет которых часто привлекал внимание окружающих, и которые почти всегда горели озорным любопытством. Все это юное очарование держалось на тонкой нежной шее, переходящей в еще по-юношески стройное и гибкое, почти худощавое тело.

Ферро улыбнулась своему отражению: уголок одного из передних зубов был слегка сколот. Тогда у Эсферрии только-только отросли коренные зубы, и, слоняясь по рощице у родного поместья, она заметила лягушку, скакавшую по узенькому, с ленточку для волос, каменистому ручью. Увлеченная движениями животного, скакавшего с берега на берег через сверкающий поток, девочка последовала за малюткой, поскользнулась и больно стукнулась о гальку на берегу ручья. Губы и щека быстро зажили без следа, а вот отбитый кусочек зуба привел матушку Сильвию в бешенство.

Быстро натянув лежавшее на табурете темно-зеленое свободное платье, Ферро одернула подол на коленях, пару раз дернула гребнем волосы, придав им хоть сколько-нибудь сносный вид, и выскочила из комнаты.

Протопала по крутой деревянной лестнице вниз и ускоряясь с каждой ступенькой, чувствуя безумно аппетитные запахи, доносившиеся с кухни. В конце лестницы она уже почти бежала, и инерция понесла ее прямо к трапезной. Влетев в комнату, Ферро наконец замедлилась и остановилась неподалеку от стола, где уже было накрыто на четверых.

Во главе стола из ольхи, искусно покрашенной под красное дерево, чинно восседала матушка Сильвия, а по левую сторону от нее руки с тонкими длинными пальцами держали газету, а поверху тянулся сладковатый дымок из трубки. Отец Ферро сидел во главе стола только в присутствии гостей, когда семье было необходимо показать лорда Генри Гладстоуна суровым, но справедливым и авторитетным отцом семейства, создавая репутацию образца мужества и достойного кормильца. В остальное же время, когда посторонних глаз не было, одного взгляда было достаточно, чтобы понять, кто на самом деле является главой семьи. Испещренная печатными строками бумага чуть опустилась:

– Ты представляешь, дорогая, эти гадкие радикалы снова попытались саботировать работу очистного цеха! Это можно расценить только как террористический акт, – высокий даже сидя, щедедушный мужчина с проплешиной на голове

возмущенно встряхнул почти отсутствующим подбородком. Очки с искусно вставленными полупрозрачными оранжевыми камушками яростно блеснули, – Более того, части этих помойных крыс еще и удалось скрыться! А ведь это именно мы даем им работу, еду, крышу над головой, они фактически на иждивении у нашего государства, хоть и пользы от них в наше прогрессивное время не так уж и много. Сотню раз им говорили, нет, тысячу: не кусайте руку кормящую!

Высокий голос отца семейства дребезжал от возмущения, временами срываясь на фальцет, жидкая светлая порось дрожала под нижней губой.

– Да, Генри, это просто возмутительно. Сейчас будем завтракать, отложи, пожалуйста, газету. – Сильвия, морщась, массировала виски костяшками пальцев. Законная супруга на дух не переносила трубку мужа, а в купе с его визгливым ворчанием это вызывало у нее мигрени.

– Но ведь я еще не дочитал колон... – начал было лорд Гладстоун, однако запнулся на полуслове, поймав недовольный взгляд Сильвии, и послушно отложил газету на столик неподалеку.

Марта еще хлопотала вокруг, старательно игнорируя семейную сцену, будто ничего не происходит, подносила и аккуратно раскладывала на столе ломти свежеиспеченного хлеба, от аромата которого у Ферро громко забурчало в животе. Супруги наконец сообразовали обратиться на нее внимание.

– О, а вот и моя прекрасная дочурка! – Генри был явно рад тому, что можно сменить тему, – Ну как, Ферро, готова к знаменательному событию? Ты сегодня станешь полноправным членом нашего общества и, я надеюсь, пополнишь наш славный клан Мыслителей. Это большая ответственность и, несомненно, большая честь. Как насчет отметить в парке, когда все закончится?

– Доброе утро, пап. Ты знаешь, если честно, я... – начала было Ферро, однако Сильвия мгновенно перехватила инициативу:

– Генри, не стоит баловать ее, она уже не ребенок, в конце-то концов! Через неделю этой юной леди уже шестнадцать лет. В мои шестнадцать меня уже выдали замуж, а ты с ней все носишься. И сколько раз повторять, не зови ее Ферро - ее имя Эсферрия. Нечего разбрасываться кличками, как портовые грузчики.

– Кхем... Ну... Так ведь у нас ещё целая неделя! – попытался разрядить обстановку Генри, – Ферро, ты чудно выглядишь, душечка. Не переживай, Отбор - всего лишь формальность, хоть и предписанная по закону. Это не займет много времени, зато откроет перед тобой многие пути и привилегии, доступные не всем. А теперь предлагаю вкусить от щедрот завтрака, любезно приготовленного Мартой. Не знаю как вы, а я смертельно голоден.

– О, да, умираю с голоду! – Ферро торопливо отодвинула стул, села и вплотную приблизилась к столу, скрипнув нож-

ками по полу, затем окинула взглядом стол. На лакированной поверхности были расставлены тарелки с закусками и сладким, а перед ней и остальными лежало по большой плоской тарелке, на которой исходила паром свежезажаренная глазунья с жидким желтком - именно так, как больше всего любила Ферро. На внушительной площади тарелки компанию яйцам составляли пара длинных сосисок со следами от сковороды и фасоль в густом томатном соусе. И наконец, дополняла сие великолепие небольшая горка жаренных грибов, набранных в роще возле поместья. стакан был наполнен каким-то напитком, который Эсферрия не узнавала на вид. Она поднесла сосуд к лицу, принюхалась - ее глаза расширились от удивления.

– Надо же, как быстро заметила! В такой волнительный день немного можно, твоя мать права - ты и правда уже большая девочка, – подмигнул отец, дернув длинным носом с красным кончиком, и в его глазах на миг загорелся лукавый огонек, который так обожала Ферро и который, к сожалению, она все реже видела. В стакане было разбавленное вино, сдобренное пряностями и медом. Ферро пригубила немного, отставила стакан - к новому вкусу надо было немного привыкнуть.

Эсферрия быстро уплетала кушанье, не слишком заботясь об этикете, к неудовольствию матери и тихому умилению отца. Что поделать, девочка была на удивление своевольной, как кошка, что гуляет сама по себе, но кошка ухоженная.

Нет, она не была невежей или хабалкой - просто считала вычурные и сложные правила аристократов неестественными. Сколько ни силились родители привить дочери манеры, она все так же оставалась этакой домашней разбойницей, хотя с возрастом она и начала понемногу перенимать уклады семьи.

Пока девочка хлебом подбирала остатки соуса с тарелки, Сильвия нарушила молчание:

– По пути в школу не замарай платье. Веди себя прилично, пожалуйста, и делай то, что тебе скажут. И ради нас всех, хотя бы сегодня не цапайся с этим Валери! Не мешало еще Гладстоунам получить Губеров в недоброжелатели.

Ферро опустила глаза:

– Хорошо матушка, я все поняла, – с притворным покорством пробормотала она, хотя внутренне сжалась при упоминании Валери. Иногда единственный способ избежать конфликта - послушаться матери. Ну или сделать вид, что послушалась, – Вести себя скромно, не задирать дурака - Губера, делать что скажут, – видя, что мать слегка смягчилась от покорного тона дочери, Ферро решила попытать счастья, – У меня еще час перед церемонией, можно мне прогуляться? Я так буду меньше волноваться. Пожалуйста-пожалуйста!

Брови Сильвии уже начали хмуриться, но тут неожиданно вмешался Генри:

– Да ладно тебе, Си, пусть пройдет. Не каждый день че-

ловек проходит Отбор. Тревожно как-никак. – И он украдкой улыбнулся дочери, а та вернула ему улыбку.

– Так и быть, но не смей опоздать! И ни в коем случае, слышишь, ни за что не ходи к границе с нижним городом. – выдохнула Сильвия, – Стоило вовсе запретить тебе общаться с этими вшивыми болванами, но твой отец считает, что иногда полезно видеть, чего мы избежали. Кстати об отцах и болванах - Генри, ты ведь знаешь, как я не люблю эти просторечные сокращения? Я отдала роду Гладстоунов лучшие свои годы, всю себя посвятила, и считаю, что от законного мужа заслуживаю толики уважения!

– Прости Сильвия. – Отцу часто часто доставалось от законной супруги, когда он пытался смягчить ее нрав, равно как и если говорил что-то, не обдумав минимум трижды.

Ферро мгновенно соскочила со стула:

– Марта, большое спасибо, завтрак был очень вкусным! – Конец фразы домочадцы слышали уже сквозь закрывающуюся дверь.

Разумеется, Ферро отправилась к границе. Ей было это нужно. От дома ее семьи, стоящего возле ратуши, она шла по брусчатке, затем сменившейся гравийными дорожками, которые по мере приближения к палисаду сменились простой плотно утоптанной землей. Здания мало-помалу преображались от высоких и прочных каменных строений со сверкающей на солнце черепицей до пусть и добротных, но уже не новых деревянных срубов, крытых тесом и дранкой. В отдалении от городской площади широкие мощеные улицы сузились и превратились в грязноватые переулки и тупики.

В голове мушиным роем мелькали мысли, переживания, сомнения. А что, если загорится лиловый кристалл? Или зеленый? Или, упасите все силы Эльтрана, даже серый? Ладно с будущим, но ведь матушка со свету сживет! С другой стороны, с чего бы загореться любому, кроме оранжевого? Она ведь Гладстоун! Четыре поколения резонаторов - Мыслителей, благородных мастеров расчетов и умозаключений, работников пера и весов. И ей, Ферро... нет, Эсферрии, надлежит продолжить славный труд ее рода.

Вот только сидеть за письменным столом сутки напролет, или выслушивать прошения бедняков, или вести скучные колонки цифр счетов в банке - все это не слишком прельщало девушку.

– Эгей, никак сама госпожа Эсферрия Гладстоун! Чего Ваша милость так не в духе? Да от твоего кислого вида у нашей козы молоко бы свернулось! – раздалось вдруг неподалеку.

Знакомый голос вырвал Ферро из пелены нерадостных дум. Девушка подняла глаза и увидела молодого паренька, стоявшего аккурат посередине мостика, прислонившись к перилам. Этот самый мостик стоял над узким каналом, символически разделяющим город на внутренний, где обитали обеспеченные люди, по большей части аристократы-резонаторы на службе у государства, и внешний, где обитали простолюдины и те, кому не повезло родиться с кристальной связью.

Одежду юноши, перелатанную и поношенную, колыхал ветерок, кудри цвета соломы беспорядочной стружкой болтались над густыми бровями, а сам он, ухмыляясь, вальяжно откинулся поясницей на перильца и не сводил взгляда с лица Ферро. Правой рукой он махал в приветственном жесте, левую же отвел за спину, будто держась за перекладину.

– Джуно! – Ферро радостно улыбнулась. Джунас Боулдер – сын мельника и доярки из нижнего города на год старше нее, был знаком девушке лет с пяти и приходился ей лучшим другом. Дружбу эту немало подогревал тот факт, что Ферро запрещали общаться с простолюдинами, а Джунасу – с жителями верхнего города.

– И как же Вас угораздило оказаться в таком месте? Тут

ведь скот смердит всюду, и не менее дурно пахнут коровы да куры. Уже ль маменька пустила погулять в наше захоlustье?

Ферро хоть и привыкла к его грубоватым шуточкам, но все же немного смутилась:

– Мать не знает, что я здесь. Я отпросилась подышать перед Отбором. Сама ума не приложу, как тут оказалась! – слегка наигранно ответила она.

– Ах, да, Отбор. Я и забыл совсем...

Ферро ступила на мостик, подошла ближе к Джуно и посмотрела на него ехидно прищуренными глазами:

– Да? Значит то, что мы тут встретились, это всего лишь удачное совпадение?

Джуно заколебался, почесал затылок, и Ферро заметила, как его лицо слегка покраснело:

– Ну-у-у... Вообще-то, не совсем. Вернее, совсем не так! На самом деле я пришел пожелать тебе удачи, – юноша виновато улыбнулся. – У нас разные пути: тебе дорога в высший свет, но и я не собираюсь валять дурака! Я обязательно разбогатею и переберусь в верхний город. И предков своих туда же перетащу. И тогда мы сможем обойтись без тайных встреч, да и вообще сможем видаться – парень немного погрустнел на секунду, но тут его глаза вновь зажглись. – Кстати, гляди-ка чего вытворил!

Парень оттянул ворот рубахи: на груди справа, недалеко от ключицы, угольными чернилами была коряво выбита пятиконечная звезда. Края татуировки покраснели и слегка

воспалились, что свидетельствовало о не лучшем уходе:

– Эта звезда - символ моей клятвы, выменял у партачника на пяток яиц. Я обязательно поднимусь в верхний город и стану знатным купцом! Правда, мои старики пока не знают об этой картинке, если увидят - зад надерут!

– Ну ты и дурак, Джуно! Тебе ведь теперь полжизни в рубахе ходить.

И оба они, такие разные, расхохотались его выходке.

– Но на этом приключения Джунаса Боулдера, будущей грозы рынков и валют, не заканчиваются. Вот, это тебе... – И Джуно, вынув руку из-за спины, одним движением вложил в волосы Ферро цветок белой лилии.

– Какая красота! Спасибо, Джуно! Но где ты ее взял? – Наверняка, Джуно украл ее у цветочного магазина или тайком срезал с какой-нибудь клумбы, но Ферро все равно была рада.

Юноша смущенно отвел глаза:

– Да так, выменял на пару гвоздей у знакомого. Так вот, я кое о чем хотел спросить тебя...

Вдруг послышался далекий, тягучий звук колокола, прокатившийся над землей. Глаза Ферро расширились:

– Черт! Опаздываю! Джуно, мне пора. Потом расскажу, как все прошло!

И девушка стремглав рванула навстречу колокольному звону.

Ферро мчалась по улицам, старательно огибая выщербины на брусчатке, срезая путь через дворы, и даже перепрыгнула через одну особо крепко спящую псину. Она уже видела нужное ей здание, однако времени почти не было - человек в серой холщовой робе уже закрывал тяжелые двустворчатые двери. Девушка из последних сил ускорила и, под недовольный окрик служителя, проскочила-таки сквозь медленно сходящиеся створки.

Академия светоча - так официально называлась школа, где проводилась церемония Отбора и обучались дети знатных семей. Здание было старым, еще с тех времен, когда первые кристаллы только начали извлекать из недр. Тяжёлые серые стены, узкие окна-бойницы, внушительные дубовые двери с коваными петлями - здание выглядело суровым настолько, насколько были суровы и его служители.

Вбежав в церемониальный зал, Ферро тут же оказалась в толпе подростков и взрослых - наставники Академии и родители, которым не хватило терпения дожидаться своих чад дома. Девушка потерялась в людском потоке, от тесноты и нехватки воздуха после ее забега у нее закружилась голова. Она начала медленно, неверными шагами пробираться сквозь группки собравшихся к стене, но тут кто-то схватил ее за руку.

– Эсферрия, вот ты где! Я уже начала волноваться. Где тебя носило? Церемония уже вот-вот начнется. – Из-за мутности в глазах Ферро не сразу узнала Милли Фернбах – невысокую девушку со светлыми волосами, слегка полноватую, с вечными следами чернил на руках. Девушка эта была, по совместительству, одной из немногих, с кем Ферро нашла общий язык в Академии и считала ее в какой-то мере своей подругой.

– Расслабься, Мил, просто нужно было пройтись. Я ведь успела, и почти никто даже ничего не заметил, – пробормотала Ферро, переводя дыхание. Зал уже переставал кружиться и шататься у нее под ногами.

Зазвучали трубы, и люди стали занимать места напротив небольшой сценки, на которой уже возвышался Алтарь Резонанса. Если хорошенько присмотреться, на нем даже можно было заметить несколько разноцветных кристаллов, лежащих в углублениях Алтаря.

На сцену степенно прошагал пожилой мужчина – наставник Криденс, старший и по должности, и по возрасту служитель Академии. Именно он вот уже тридцать пять лет занимает пост главы, и столь же давно он каждый год проводит церемонию Отбора. Он поднял руку, и в зале повисла тишина, изредка прерываемая тихими шепотками.

– Молодые, полные надежд граждане Ордониса! Добро пожаловать на церемонию Отбора. Сегодня, как и множество лет до этого, Великий Резонанс определит ваш путь в

нашем славном обществе. Здесь невозможен обман, равно как и кумовство. Все мы равны в суждениях, отраженных гранями кристаллов.

Криденс обвел взглядом собравшихся, придавая паузе драматичность, как самый настоящий проповедник.

– Я буду называть имена по одному. Тот, кто услышит свое имя, подойдет к Алтарю, возложит руку на каждый из кристаллов по очереди и усилием воли постарается зажечь их. Камни укажут ваше место в мире. После названный волен уйти, данные о нем будут занесены в анналы Академии Светоча. Начнем. Первым для прохождения процедуры Отбора приглашается

Люди в зале замерли в благоговении, и Ферро замерла вместе со всеми.

– Эдриан Родас.

Со стула недалеко от сцены поднялся высокий и крепко сбитый светловолосый юноша и уверенно двинулся к алтарю. Ферро знала его, но немного - только то, что его семья - потомственные военные, а с самим Эдрианом и вовсе лишь однажды перекинулась парой фраз. Он спокойно прошел к мраморному постаменту и остановился, дождался кивка церемониймейстера.

Парень подносил руку ко всем кристаллам по очереди - некоторые лишь слегка подсвечивались изнутри - это было нормально: такое свидетельствовало о незначительных отголосках резонанса; иные кристаллы оставались темны. Зато,

когда наследник Родасов поднес руку к синему кристаллу тот ярко вспыхнул и засиял пульсирующими всполохами.

– Синий! Резонанс ясный! – провозгласил церемониймейстер. – Оплот, не ниже третьей ступени.

Среди людей прокатился гул одобрительных голосов и аплодисментов. Юноша слегка улыбнулся и, легко спрыгнув со сцены, занял свое место рядом с отцом. Тот, с мышцами проглядывающими даже сквозь свободное одеяние, горделиво похлопал сына по плечу.

– Далее... – продолжал Криденс, – Самуэль Трент!

Затем было множество других: Даннио Ротт - красный, Саманта Клеверсби - зеленый, Корин Кингфорт - редкий золотой, все разных ступеней, отражающих силу резонанса. Сестры-близнецы Клэй, милейшие создания - обе резонировали с красным, что вызвало немалое удивление у всех, кто был с ними знаком. Кристаллы вспыхивали, гасли, еле моргали - и своим сиянием определяли судьбы людей на годы, десятилетия вперед.

Ферро слушала вполуха, ожидая, когда же придет ее черед. Теперь она была готова и на красный, и даже на зеленый кристалл. Иметь рефлексы лучше, чем у любого зверя, да еще и двигаться быстрее - тоже неплохо, а перспектива тонкого и удивительно точного манипулирования материей обещала спокойную и достойную жизнь, полную разнообразных занятий, от искусства до врачевания. Много хуже будет, если зажжется серый - Покровы, хотя и, без сомнений, незамени-

мы, не вызывают симпатии у людей, поскольку имеют жуткую силу глушить резонансы других и разрушать материю.

– Эсферрия Гладстоун.

Что-то внутри нее ухнуло вниз. Ферро встала и поплелась к Алтарю на негнущихся ногах. Шаг, еще шаг и еще. Хотя она и сидела недалеко от сцены, путь до нее показался девушке дьявольски длинным.

– *Спокойно, я - Эсферрия Гладстоун, и я совершенно точно Мыслитель! Ну, в крайнем случае - Провор или Осязатель...* – повторяла про себя Ферро.

Ноги сами подвели ее к чистейшей белизны мрамору Алтаря. Перед Ферро лежали вытянутые граненые кристаллы всех цветов: золотой, синий, красный, оранжевый, зеленый, серый. Каждый лежал в своем углублении Алтаря.

Ферро протянула было руку к синему камню, но тут же отдернула руку. Поймав неодобрительных взгляд Криденса, она решила оставить синий кристалл на попозже, и на выдохе опустила ладонь на золотой кристалл.

Что ж, как и ожидалось, она не Вождь. Кристалл не издал ни малейшего свечения, ни единой искорки. Боясь потерять настрой, Ферро тут же перенесла руку на серый кристалл и обхватила его пальцами.

– *И не Покров! Камень с плеч!* – подумала она и почти схватилась за зеленый, мысленно предложив камню загореться.

Тот никак не отреагировал, хотя часто Мыслители име-

ют небольшой потенциал Осязателей, пусть и ничтожный по сравнению с истинными зелеными резонаторами. Затем красный - с тем же успехом.

– *Черт, ну не может же быть такого, чтобы загорелся гадкий синий!* – почти взмолилась Ферро мысленно.

Она осторожно коснулась синего камня и подумала: “*НЕ ГОРИ!*”

И синий кристалл, ответив, видимо, взаимной неприязнью к Ферро, остался таким же тусклым, как и был.

– *Ура! Гладстоуны и правда всегда почти идеально чистые Мыслители!* – девушка, внутренне ликуя, протянула руку, и с чувством колоссального облегчения уронила ее на оранжевый кристалл, прикрыв глаза.

Через несколько секунд тишины Ферро приоткрыла один глаз. Ледяной ужас водопадом хлынул на нее, ревя в ушах и выбивая почву из-под ног.

– Резонанс нулевой... Чистый диссонант.

Глава 2

Холод

В казарме было холодно, но рядовой Янек Трагг почти не замечал ни промерзших сапог, ни трясущихся конечностей, ни жуткого сквозняка, пробиравшего до костей. Он сидел на кровати, уперев немигающие пустые глаза в стену. Еще недавно эти серые, чуть раскосые глаза смотрели на этот мир с радостью и неутомимым оптимизмом, однако теперь в них нельзя было найти ничего, кроме бессильного отчаяния. Загрубевшая от работы, солнца и ветра кожа покрылась мурашками, по обыкновению коротко стриженные темные волосы топорщились, тонкие губы изогнулись в жалобном позыве. Со стороны этот высокий и крепко сбитый молодой человек выглядел неестественно и жутко, когда сидел, обмякнув, на койке. Обычно незаметный маленький шрам на брови, переходящий на веко, теперь отчетливо выделялся на побледневшем лице.

Задубевшей мозолистой левой рукой молодой человек нежно, насколько позволяли ледяные пальцы, перебирал мех на загривке щенка - худого и облезлого, но живого. В просторной комнате, заставленной двухъярусными койками и походными ларями, этот съежившийся комочек был насто-

ящим чудом, теплым и беззащитным, чего не скажешь об остальных обитателях этого жилища.

Правая его рука, побелевшая от напряжения, сжимала ручку жестяного ведра, до половины наполненного водой.

Щенок ткнулся в ладонь мокрым носом, заворочался во сне, и Янек наконец вышел из оцепенения. Он мысленно бродил по коридорам своих воспоминаний, пытаюсь понять - когда судьба окончательно отвернулась от него? Пошевелив пальцами на ноге, Янек поморщился от боли - так сильно он замерз.

***

В приюте тоже было холодно. Средств к существованию у детского дома почти не было, и несколько поленьев, принесенных равнодушными людьми, вместе со скудной снедью были настоящим праздником для обитателей.

С малых лет Ян был предоставлен сам себе: в Эльтране никогда не было мира, и когда родился Янек, не повезло именно его стране, Эладию. Родителей он не знал, но София, добрая женщина, основавшая приют и тянувшая его на себе, сказала, что они погибли во время очередного наступления врага. С тех пор он жил в приюте-интернате Софии, и хотя няня старалась привить всем своим питомцам хорошие манеры, Ян не раз видел жестокость и боль. Со временем Янек понял, что наставница не справляется с тем, чтобы прокормить все растущую ораву сирот войны, так еще ведь надо было воспитать их, одеть, утешить и обогреть.

Будучи одним из самых старших детей, он решил во что бы то ни стало сохранить свой дом. Ян пользовался уважением среди детей, ведь он был справедлив и добр ко всем одинаково. Однажды юный Трагг собрал детей своего возраста, и они принялись обходить соседние дома в поисках работы. Иногда им отказывали, но, бывало, мольбы детей растапливали загрубевшие сердца взрослых. Ребята стали доставлять письма, стричь траву, ухаживать за скотиной. И всем этим руководил Янек. Он защищал детей от тех, кто смел поднять на них руку, разрешал споры среди обитателей приюта, распределял и вел учет припасов. Приют начал расцветать, а на лицах его обитателей впервые за долгое время появились робкие, но такие счастливые улыбки.

А потом не стало Софии. Горячка за считанные дни сожгла бедную женщину, а он ничего не мог сделать. Так Янек Трагг, сын Софии, стал главой приюта. Не силой, не по наследству или старшинству - его выбрали дети. Янеку было пятнадцать лет.

Потом был Отбор. Янек, ставший к тому времени подмастерьем кузнеца, попал на него случайно. Однажды он отправился просить помощи в ратушу - крыша приюта пришла в негодность, и надвигалась осень, а с ней холодные ветра и ещё более ледяные дожди. Там выяснилось, что информации о Янеке нет ни в одной учётной книге. Его имя записали и обязали пройти церемонию.

На церемонии ярким светом вспыхнул синий кристалл.

Ему объяснили, что усилием воли он сможет увеличивать прочность вещей и мощь ударов, и в этом он увидел возможность. Возможность улучшить положение своей пусть не родной, но очень дорогой сердцу семьи. Он принялся копить деньги, рвал жилы, работая ночами, лупил кузнечным молотом что есть мочи, экономил на себе и через несколько месяцев сумел выторговать маленький синий кристалл. На шестнадцатый день рождения мальчишки из приюта подарили Янеку новый молот, а девочки вплели в рукоять кристалл.

Работа спорилась. Юноша отремонтировал приют, денег стало хватать на сносную еду и одежду детям. И будто согласно закону подлости, мирная жизнь его снова была нарушена. Поздней весной, когда посевные работы были закончены, Ян привычно работал в кузне, когда в дверь забарабанили тяжелым кулаком.

Янек отложил молот, утер со лба пот и распахнул дверь.

– Янек Трагг? – на пороге стояли двое мужчин в плотных серых шинелях с черными пуговицами.

– Так меня зовут, – тихо ответил Янек. – А кто спрашивает?

Один из мужчин, седовласый, но крепкий господин с прямой как палка спиной продолжил говорить, будто бы не слышал вопроса:

– Указом Его Величества Вам надлежит прибыть в распоряжение Северного кадетского корпуса для прохождения доблестной воинской службы не позднее шести часов вечера

завтрашнего дня. Отказ или попытка бегства законами Эладии полагается государственной изменой!

Янек стоял в дверях и не мог поверить своим ушам. Он хотел бы сказать что-нибудь, хоть как-то возразить - но не мог вымолвить и слова от изумления.

– Честь имею! – Старый солдат протянул Янеку призывной лист, затем приложил к голове руку козырьком, круто развернулся на каблуках сапог и удалился, чеканя шаг, вместе со своим молчаливым напарником.

***

Так Ян попал на службу в пехоту Эладии. Прощаясь с семьей, с которой его свела не кровь, но судьба, он оставил заботу о приюте на самых надежных из своих друзей - он надеялся, что ребята теперь справятся и без него. Поначалу он думал, что его ждут битвы, кровь и смерти. Но, как оказалось, работа кадета немногим отличалась от той, что он выполнял всю жизнь: мести двор, ходить за скотиной, строить дома и хлевы, рыть канавы, а Яну - еще и подрабатывать ковалем. Основное отличие заключалось в дополнительной военной подготовке - тягать бревна, отжиматься на плацу по утрам, бегать в полной выкладке при любой погоде. А еще изредка проводились учения по использованию синих кристаллов в бою: показывали, как усилием воли сделать латы почти неразрушимыми или выбить пару кирпичей из стены латной перчаткой со вшитым камнем. В такой ежедневной рутине прошел его первый год в армии.

Добрый и общительный по своей натуре Янек быстро нашел общий язык с другими курсантами и стал своим, однако за это его невзлюбили старшие по званию, считая выскочкой без рода и племени. Кроме того, были исключения и среди кадетов: хуже всех приходилось с Габби Дреем - третьим сыном господина Арвелла Дрея, мастера гильдии оружейников.

Рожденный с серебряной ложкой во рту, Габби впитал все наилучшие и, к сожалению, наихудшие качества дворянского сословия. Он был красив - лицо с тонкими чертами обрамляли прямые густые волосы, черные, как вороново крыло, спускавшиеся почти до плеч. Яркие, почти женские губы скрывали ряды белоснежных ровных зубов. Особенной гордостью Дрея были аккуратный нос, будто выточенный из мрамора искусным скульптором, и столь же красиво очерченный, мужественный подбородок с чуть заметной ямочкой - Габби казалось, что именно так и должен выглядеть истинный аристократ; темные, кофейного цвета глаза вкупе с обольстительными речами заставляли женщин буквально таять под их взглядом.

Однако, в противовес красоте внешней, как личность Габби Дрей не был примером для подражания. Все, кому не повезло родиться ниже по крови или положению, были для него по большей части безликими куклами, которыми можно помыкать без зазрения совести, а при необходимости и сломать. Парень не слишком тянулся к образованию, зато

испытывал невероятной силы потребность в развлечениях. Эта потребность в конечном счете утомила его благородного отца, и в наказание младший Дрей был сослан на службу в армию Элатии с обязательством два года отслужить курсантом на общих началах.

В итоге Габби вырос на редкость паскудным и подлым человеком, попав в армию, он оказался в своей стихии. Втихую донося на однокурсников, он заслужил благосклонность вышестоящих и заработал должность дежурного по роте. Избалованный отцом, откупавшимся деньгами за отсутствие рядом, и не работавший ни дня, даже в армии Габби проводил большую часть времени, пользуясь женским вниманием, надираясь в кабаках и скучая за игрой в карты с трубкой слоновой кости в зубах - знатное происхождение давало привилегии даже в войсках.

Однажды зимней ночью шестеро курсантов решили подшутить над новеньким, но уж больно напыщенным капитаном, только прибывшим в часть. Планировалось следующей ночью тайком выбраться из казармы, пробраться к домику того капитана и засыпать вход снегом по крышу. Большинство бойцов в роте тогда спали и не ведали об их проказах, однако Габби только делал вид, что сладко спит на своей койке. Габби решил, что будет полезно заручиться благосклонностью новоприбывшего капитана, и уже утром оповестил его о готовящейся “диверсии”.

В итоге - бойцы и вправду выбрались ночью из казармы и

закопали дверь в домик капитана. Но когда парни собрались уходить, их перехватил никто иной, как тот самый капитан под ручку с Габби. Старший по званию, не разбираясь, поднял роту до последнего бойца, и всю оставшуюся ночь бойцы копали траншеи в мокром, обледеневшем снегу. А утром разбитых бойцов ждал марш-бросок на десять миль в полной выкладке. Вечером над Габби решили учинить самосуд, однако рота была незамедлительно оповещена о самых тяжелых последствиях.

Не удивительно, что этот во всех смыслах скользкий тип оказался единственным, кто был на хорошем счету у сержанта Балоча.

Сержант Артур Балок был самым отъявленным садистом из всего командирского штаба. Известный в узких кругах курсантов не иначе как Папаша-Мясник, Балок при малейшей провинности издевался над подчиненными самыми разными способами, благо воображения у него хватало. Нормой было вручить бойцу в дозор копьё из ствола небольшого деревца, а то и прикажет драить нужники до блеска малярной кистью. Ходили слухи, что сержанта не повышают в звании как раз из-за его злобного нрава, вот только Бивок и сам не рвался наверх - ему нравилось безраздельно властвовать в своем маленьком жестоком мире.

***

– Бр-р-р-р Гребаный Папаша-Мясник! Ну почему именно мы? – ворчал Габби Дрей, закутываясь поплотнее в шинель

и в очередной раз за вечер пытаюсь подловить напарника. – Неужели во всем корпусе не нашлось никого, кто бы больше удостоился чести стоять в дозоре этой ночью? В такой мороз все, что нужно - это теплый камин, теплое вино и теплый бо-чок миловидной девки. Впрочем, ты наверняка даже камина не видел, не то что хорошего вина. А уж про баб я, хе-хе, и вовсе молчу.

– Что ж, видимо у него были причины для такого приказа, – Ян, старательно игнорируя выпады Габби, дышал на руки и растирал их, чтобы хоть немного согреться. Янек знал - ляпни он хоть что-то плохое про сержанта, и уже вечером Балокку станет известно, что именно он сказал. В последнее время рядового Трагга все чаще ставили в пару к Дрею, ожидая малейшей его оплошности. Самому же Габби, по всей видимости, были разрешены некоторые вольности.

– Нет, ну ты мне скажи, разве он не козлина, а?! Корпус расположен в десяти милях от Ордониса, граница - в сотнях лиг отсюда. Какая такая опасность требует двух наших отмороженных задниц, патрулирующих район всю ночь?

Габби ужасно хотел курить, однако в казармах трубки были под запретом, и потому он попытался выдувать привычные колечки из пара, но не преуспел и только наблюдал, как бесформенные белые тучки растворяются в пространстве казармы. Курсантов и без того не баловали комфортом, но мороз на улице стоял такой, что и внутри, бывало, мебель покрывались тонким слоем белоснежного инея.

– Сержант говорит, на промышленные здания участились атаки диссонантов из трущоб. – Ян понял, что Габби не заткнется, и решил занять себя делом. Все лучше, чем действительно отморозить зад - зима выдалась на редкость суровая. – В некоторых районах нижнего города даже ввели комендантский час - там находятся зоны повышенной активности заговорщиков. Наша задача - беречь покой простых жителей, не вовлеченных в террористические акции. Кстати о патрулировании - идем, время обхода.

– Да сколько можно уже, неугомонный ты наш... – заныл Дрей. Справедливости ради, это был третий обход за ночь, а Габби начал жаловаться уже к середине первого. – Ладно, но чур в этот раз разведка на тебе.

– Она и так всегда на мне, – хмуро проворчал Янек, выдыхая облачко белого пара в стылый воздух.

Разведка - так во время патруля курсанты называли необходимость пойти и проверить подозрительную кучу мусора или, например, внезапный звон битого стекла в темном переулке. Как правило ничего опасного патрульные не находили, однако частенько бывало, что среди тряпья находили замерзших бедняков или заснувших в сугробах пьяниц - задачей патруля в таком случае было избавиться от тела до наступления утра.

Обход проходил спокойно. Две пары сапог скрипели на снегу, двигаясь по своим собственным следам, оставленным в прошлый раз. Улицы бедняцкого района редко освещали

фонари, и в темноте над головами парней расстилалось бескрайнее море огней: миллионы сияющих точек, рассыпанных на черном, без единого облачка, бархате неба верной свитой окружали торжественное и величественное ночное светило - бледную и прекрасную леди-Луну. Зрелище, без сомнения, весьма романтическое, если забыть о стремительно отмерзающих пальцах на ногах.

Ян шел, внимательно оглядывая наиболее значные места; Габби пинал ногами снег позади и беззаботно насвистывал какую-то простую, но очень прилипчивую мелодию. Говоря откровенно, Янек еле сдерживался, чтобы не врезать Дрею - Габби хоть и гадил всем курсантам, но досаждать Яну он почел за личную миссию и развлечение, так что даже доброте и мягкости Янека Трагга, как оказалось, есть предел.

Они шли по узенькой тупиковой улочке, когда Янек насторожился. Он точно что-то слышал, ошибки быть не может. Среди полузаброшенных деревянных халуп что-то прошуршало, почти неслышное за свистом напарника. Ян молча поднял руку, и мелодия за спиной мгновенно утихла. Хотя Габби и не был образцовым солдатом, но в моменты, когда его жизни могла грозить опасность, он становился невероятно серьезен и осторожен.

Шорох повторился, и Ян понял, что заставило его напрячься. Звук доносился из старого, разваленного дома с прогоревшей крышей. Там точно никого не должно быть в такой мороз. Он медленно двинулся во двор разрушенной

домины, стараясь издавать как можно меньше шума. Ян решил не рисковать и усилием воли укрепил броню. Небольшой синий кристалл, вшитый в кожаный нагрудник, слегка засветился и начал слабо вибрировать. За спиной загорелся еще один синий огонек, и Ян неуверенно шагнул на прогнивший порог дома.

– Военный патруль Ордониса! Здесь кто-нибудь есть? Выйти наружу для опознания! – надтреснутым от волнения голосом выкрикнул Янек.

Тишина. Курсанты сделали еще пару шагов вперед, и Габби вздрогнул – со стороны завала, состоящего из поломанной деревянной мебели и каких-то грязных тряпок послышался другой звук. Ян почувствовал как его волосы встали дыбом. Из-за груды наваленных друг на друга деревяшек донеслось отчетливое рычание.

Не ослабляя защиты, Янек осторожно прокрался к завалу и пальцами, обтянутыми прочной кожей перчатки, ухватился за большущую доску, которая торчала чуть выше основания деревянной “баррикады”. Габби тоже приблизился, вынул короткий широкий клинок из ножен, занес его над головой и кивнул Яну.

Резко вдохнув, Янек направил импульс кристалла в перчатку и рванул доску вверх. В воздух мгновенно поднялась туча деревянных обломков, а клинок Габби понесся вниз – тот струхнул и с перепугу ударил наотмашь, не глядя. Ян в последний момент с трудом успел резким толчком отве-

сти руки Дрея в сторону, и сталь, ускоренная силой кристалла, легко развалила дубовый комод со сломанными когда-то ручками напополам одним ударом.

– Какого хрена, Трагг?! – начал было Габби, но напарник зашипел на него:

– Смотри, куда машешь, кретин! Чуть не зашиб бедняг ни за что.

Под завалом лежала на боку внушительных размеров псина - лохматая, черная с подпалинами шерсть свалялась, в нее набились грязь и мусор. Животное не дышало, но, по видимому, погибло недавно - на боку зияла крупная рваная рана, какую можно было нанести, к примеру, мотыгой. Кровь на шерсти еще не успела засохнуть. В голодное зимнее время бедняки иногда охотятся на бродячих собак, чтобы не умереть с голоду.

А между бойцами и мертвой собакой, рыча и подгибая под себя короткий хвостик, стоял тощий щенок. Его серая шерстка стояла дыбом на загривке, он явно был напуган, но все же стоял, скалил маленькие зубки и тщедушной грудью защищал мертвое тело.

– Твою мать, это всего лишь псина! Не стоило тащиться сюда, вот теперь еще и пыли наглотались! – Габби явно испытывал облегчение, его речь снова начала становиться нагло-уверенной. – Пошли отсюда, и так задержались. Я замерз как мышь в погребе, еще немного и яйца колоколами зазвонят!

– Он тоже. – на мгновение в воздухе повисло молчание.

– Чего? – не понял Габби.

– Он тоже замерз. – Голос Яна был тихим в холодном воздухе. – Нельзя бросать живое существо в такой мороз. Это неправильно.

– Ты сбрендил? И куда ты его денешь, умник? – Габби так удивился, что едва сумел подобрать слова. – В казармы? Вот это точно неправильно. Ты же знаешь, живность в казарме помимо курсантов запрещена уставом.

Но Янек уже подошел к щенку, снял перчатку и дал ему понюхать ладонь. Тот заскулил и легонько лизнул ему заскорузлый палец. Ян осторожно поднял щенка и засунул за пазуху.

– Сиди тихо, малыш. – прошептал он зверьку, затем повернулся к напарнику. – Если ты не проболтаешься, никто не узнает. Я подержу его немного у себя, а затем, как окрепнет, выпущу на волю. Я могу поверить тебе один-единственный раз?

Габби замялся: с одной стороны, он не любил Янека и презирал как низшего, а с другой - хотя он и не часто сходилился с людьми, хотя его все считали паршивой овцой, он любил животных и щенка ему было жалко.

– Д-да, наверное... Так и быть, Трагг, оставляй приживалу, я не скажу никому. Но если у нас нет, у меня будут проблемы из-за него - пеняй на себя.

***

Габби, к неподдельному изумлению Янека, сдержал слово. Более того, общая тайна будто незаметно проложила тропинку между напарниками, сплотила их. Щенок уже три недели жил в сумке Яна. Он оказался смышленным - никогда не выбирался из сумки, кроме патрулирований, на которые Габби и Янек теперь почти всегда ходили вместе. Дрей даже стал подкармливать малыша, отдавая ему остатки пайков.

Удивительно, но Янек Трагг оказался единственным простолудином, которого Габби Дрей стал уважать, и Ян ответил ему тем же.

Однако перемены эти не остались незамеченными. Папаша-Мясник Балок будто нутром почуял, что курсанты чего-то не договаривают, и с фанатичным упорством пытался разнюхать, что к чему. И ему это, конечно, удалось.

***

Янек сидел на койке и проверял снаряжение, Габби через пару кроватей от него делал то же самое. Из окон в казарму лился закатный свет - скоро холодная ночь вступит в свои права. Очередной дозор, однако теперь патрулирование улиц было в радость, поскольку малыш мог вволю набегаться. Он значительно прибавил в весе на армейских харчах, и Яну становилось все сложнее прятать его. Он посадил песика в сумку - тот радостно вилял хвостом и лизался, уже зная, что скоро будет можно вдоволь поиграться с хозяевами в снегу. Остальные курсанты были на строевой, так что можно было временно не опасаться, что щенка заметят.

– Ну что, готов? – Габби оперся о дверной косяк, глядя, как Янек закрывает карман сумки. – Как степлеет, надо его выпустить. Малыш справится, он умный. А мы и без того сильно рискуем.

Вдруг доски пола жалобно заскрипели, послышались тяжелые шаги, и в казарму грузной походкой вошел сержант Балок. Изредка, когда Папаше-Мяснику было не слишком лень, или когда у него было особенно дурное настроение, он бродил по корпусам, ища несоответствия армейскому уставу и нещадно карая провинившихся. С утра его знатно отчитали сверху, и теперь, зная, что курсанты заступают на дежурство, ему было жизненно необходимо разрядиться на подчиненных.

– Сми-и-и-р-р-на! Рядовой Трагг, рядовой Дрей! Приготовить снаряжение к осмотру! – рявкнул Балок, завидев парней.

Курсанты встали по струнке и затаили дыхание. Хотя броня была начищена и отремонтирована, а вещи чисты и отглажены, Балок всегда мог найти, к чему придраться, и если не держать язык за зубами, не получишь ничего, кроме дополнительных проблем на задницу.

Тщательно осмотрев бойцов, сержант Балок к неудовольствию своему не нашел ничего, за что можно было бы уцепиться. Он злобно зыркнул на Габби и уже собирался убраться восвояси, как вдруг его взгляд упал на кровать Янека. Балок выпучил глаза, его ноздри расширились, на лице появи-

лась гаденькая ухмылка. Он подошел к койке, провел рукой по идеально заправленной постели и показал курсантам. На его ладони свалявшимся комком лежал клочок серой шерсти.

– А это еще что, мать вашу?! – свободной рукой он сорвал с бойцов теплые меховые шапки - под ними у обоих обнаружили темные волосы. – Только попробуйте сказать, что это вы облезаете, болваны! – Он поднес руку к лицу и понюхал - почти как дикий зверь, – Это же... Псиной несет!

– Господин сержант! Это не то, что вы – начал было Габби.
– МОЛЧАТЬ! – заорал Балок. Его кулак с хрустом врезался в челюсть Дрея, мгновенно уложив взрослого парня на пол. Папаша-Мясник бешеными глазами уставился на Янека. – Я хочу видеть вашу шелудивую шавку прямо сейчас, мертвые вас дери, иначе оба пойдете под трибунал! Да я вас на галерах сгною!

Он принялся от души пинать Габби по ребрам, тот мог только охать и пытаться защититься.

– Ладно, ладно Прошу, прекратите! – Янек подошел к сумке и вынул щенка. Тот, увидев сержанта, оскалился и зарычал. – Мы собирались выпустить его, как только окрепнет. Клянусь, уже завтра его не будет!

Сержант Балок хищно глядел на пса в руках Яна, и его глаза наливались кровожадным торжеством.

– О, нет, рядовой Трагг... – прошептал Папаша-Мясник свистящим шепотом, – Его не станет уже сегодня!

Он сорвался с места и скрылся в бытовке, которая находилась за стеной казармы. Габби застонал и зашевелился на полу. Ян стоял, как был - по струнке, и не знал, куда деться - только беспомощно переводил взгляд с Дрея на малыша и обратно.

Через минуту сержант вернулся, неся в руке ведро с водой. Он протянул его Янеку:

– Значит так, быдло ты неотесанное! У тебя есть полчаса, Трагг, чтобы попрощаться со своей вонючей псиной и утопить ее нахрен.

– Что?... Н-нет, прошу, не нужно! Он ведь ни в чем не виноват. Мы сделаем все, что вы скажете! – Ноги Яна подкосились, голова пошла кругом. Щенок в его руках рвался и захлебывался лаем.

– Не сомневаюсь, мой мальчик, но дело в том, что я ваш непосредственный командир... – вкрадчиво проговорил Баллок, сделал паузу, а затем заорал, звонко чеканя каждое слово, – Я! ЗДЕСЬ! ВЛАСТЬ!!! Понял, ты, скотина безродная? – Истерический вопль Баллока перешел почти на визг, он вплотную придвинув свою физиономию к Яну, его слюна летела и капала на лицо парня. Сейчас он как никогда точно оправдывал свое прозвище. Его глаза налились кровью, а капилляры полопалились от надсадного крика. Наконец он выдохнул и продолжил уже тише, почти шепотом. – У вас полчаса. Никакие высшие силы не помогут вам, если надумаете выпустить эту чертову крысу на волю. Либо я увижу гребя-

ного дохлого щенка в ведре, либо вас обоих, клоуны, ждет военный трибунал, а затем рудники. И уж я прослежу, чтобы вы ближайшие двадцать лет не увидели солнца!

Он развернулся на каблуках и большими шагами вышел из комнаты, прямой как палка.

***

– Что будем делать? – Габби морщился и потирал подбородок. Он уже пришел в себя, но ситуация все равно была хуже некуда.

Янек помолчал немного, сжимая ручку ведра до хруста в запястье:

– Я не дам убить его. Попробую договориться с Балоком, а там будь что будет. Другого выхода я не вижу. – Ян так и сидел на койке, глядя в никуда. Но теперь к его обреченности и бессилию примешалось странное чувство решимости и готовности к неизбежному. – Я выбрал оставить его - мне и принимать последствия.

За окном смеркалось, свет тонущего за горизонтом солнца угасал, и в казарме было мрачнее, чем когда -либо раньше.

Габби тихонько присел на край койки Яна, не зная, что сказать. Щенок, чувствуя настроение хозяев, лежал на брюхе, прижав уши к голове, и тихонько поскуливал. Дрей протянул руку, провел несколько раз ладонью вдоль спины, потрепал макушку пса. Затем часто заморгал, хрипло дыша, глубоко вздохнул, и, решившись, тихо заговорил:

– Ян, ты очень добрый... Ты дал ему прожить дольше, чем он бы мог. – Комок подкатился к его горлу, но он усилием воли заставил себя продолжить и постарался заставить свой голос звучать беззаботно. – ...Д-давай я... П-позволь мне это сделать. Мне он не так уж и важен.

– Что сделать? – Янек вышел ненадолго из оцепенения, непонимающим взглядом уставился на товарища.

– Н-ну... Щенка. Малыша... Кому-то придется это сделать. Не хочу, чтобы ты винил себя. А я все сделаю. – Габби ненавидел себя за то, что он говорил, ведь на самом деле он был привязан к питомцу не меньше Трагга. Однако в его душе поселилось ощущение, почти уверенность, что Ян не должен страдать за свою доброту. Но решимости это ему не прибавляло.

Серые глаза Янека заглянули в карие - Габби. Во взгляде на секунду мелькнула остро отточенная сталь, затем он обмяк:

– Даже не думай. Ты не при чем, и не должен этого делать. – но слова эти, как ни странно, не принесли Габби ожидаемого облегчения.

Так они и сидели, не замечая ощущая времени, каждый в своих мыслях, пока не раздались шаги. Стук, стук, стук по плотно подогнанным старым доскам, скрипящим и местами прогибающимся под ногами сержанта Балока.

Он вошел не спеша, на лице его сверкала широкая улыбка, являвшая миру желтые подгнившие местами зубы. Зави-

дев командира, Габби резко вскочил с кровати, не зная куда деть руки и глаза, Янек же медленно встал, вытянулся по стойке смирно и неотрывно глядел в глаза Папаши-Мясника. Приблизившись к парням, тот заметил щенка, живого и здорового, дыбящего шерсть и рычащего на прищельца.

Улыбка Балочка мгновенно слетела с губ, будто лист сдуло ветром надвигающейся грозы. Глаза вылезли из орбит, горлом он издал протяжный, клокочущий, почти рычащий звук. Лицо покраснело и мгновенно покрылось бисеринками пота, пальцы рук судорожно сжимались и разжимались. Он не мог поверить, даже предположить не мог, что ЕГО ПРИКАЗ могли бы проигнорировать и не умереть в мучениях. Он с полминуты не мог подобрать слова, а только шипел и рычал, глядя на парней.

– С-су-у-к-ки-и... – наконец выдавил он, будто из раскаленной закрытой кастрюли с супом побежала вода.

Габби рванулся к Балочку, на ходу начиная виновато причитать:

– Господин сержант, прошу, давайте найдем способ уладить это дельце между нами? Мой отец - богатый человек, мы могли бы дого... – договорить он не успел.

Балок почти по-отечески положил руки ему на плечи. Лицо сержанта мертвенно побледнело, а на поясе, вложенный в тяжелую стальную бляху, слегка засветился синий кристалл. Габби в последний момент заметил неладное и успел активировать свой, вшитый в форму. Колено Балочка с хрустом

влетело в живот Дрею на огромной, нечеловеческой скорости. Не успеет Габби укрепиться, он бы точно погиб. Но он не думал об этом, поскольку задохнулся на несколько секунд, мир вокруг превратился в черные круги перед глазами, раскрашенные разноцветными вспышками боли.

Он упал на колени, выблеывая все, что успел съесть за сегодня. Горячая горькая желчь текла по красивому подбородку, а Габби судорожно пытался вдохнуть. Он поднял голову, и встретил подошву сапога, со всего размаха влетевшую Дрею в лицо. Удар заставил его откатиться назад, и Габби больше не понимал, что происходит, где верх, а где низ.

Все произошло так быстро, что Янек даже не успел среагировать, но опомнившись, он подбежал к Габби, на лице которого виднелся четкий отпечаток, а глаз кровоточил, и заслонил его собой:

– Господин сержант, прошу, опомнитесь! Вы его убьете! Он дворянин!

– ВЫ, ДВА КУСКА ДЕРЬМА! РЕШИЛИ, ЧТО ПРИКАЗЫ НЕ ДЛЯ ВАС? ЭТО АРМИЯ, УРОДЫ! – с пеной у рта вопил Балок, надрывая глотку и безумно тараща глаза. Он принялся пинать Янека в спину - на этот раз без силы кристалла, но окованная металлом подошва сапога оставляла кровоточащие ссадины на спине даже через плотную форму. – ЗДЕСЬ Я ВАШ БОГ! – Балок сорвал голос и теперь сипел как последний пропойца из подворотни.

Сержант потянулся рукой к плечу Яна, собираясь нака-

зять и его, но щенок с лаем соскочил с кровати, рванулся к Балоку и вцепился зубами в штанину чуть выше шнуровки черного ботинка. Тот вскрикнул от неожиданной боли и затряс ногой. Малыш боролся изо всех сил, однако через пару секунд тряски его пасть разомкнулась, и он, оглушенный, упал на пол.

Сержант минуту смотрел вниз, фокусируя зрение на животном сквозь пелену бешеной ярости.

– Пшел вон, вшивый мелкий ублюдок! – прохрипел он, занося ногу, и со всей силы пнул носком ботинка в мохнатый бок.

Янек услышал только короткий визг, оборвавшийся гулким ударом, сменившимся тишиной. Он поднял голову и увидел малыша. От удара щенок пролетел по воздуху, врезался в стену и, упав на пол, замер без движения.

Ян сорвался с места, оставив поверженного Габби, и подполз к щенку. Тот еще дышал - пушистый серый бочок судорожно поднимался и опускался, но тонкая струйка бежала из окровавленной пасти по доскам пола, глаза были зажмурены. Трагг провел рукой по боку щенка - переломанное тельце ответило лишь судорогой. Янек коснулся мокрого носа малыша - на пальцах остался красный след, а щенок, почуяв как-то хорошо знакомый запах, легонько лизнул его палец. И замер.

Янек не видел этого наяву, но где-то в глубине души его внезапно возникло чувство, будто лопнула с глухим треском

веревка, долго удерживавшая нечто неизмеримо, колоссально тяжелое, и темный маятник качнулся в тишине, но Ян будто бы оглох от звона.

Его тело и душу медленно затапливал Холод. Не тот жалкий морозец, который пощипывал нос на разведке. Не та прохлада, что в этой богами забытой стране называют зимой. Нет, внутри Яна разливался Хлад, что можно найти лишь в могиле. Там, и в самом темном и глубоком уголке Преисподней.

Янек Трагг медленно поднялся на ноги, повернулся всем телом, не изгибая шеи или торса.

Сержант Балок стоял и глядел на него, кристалл мерцал, выдавая намерения:

– Ну что, сопляк, – начал он осипшим голосом, отчего казалось, будто Папаша-Мясник посвящает Яна в какое-то жуткое таинство. – Надеюсь, урок усвоен? Или мне нужно и тебя вырубить?

Он хотел продолжить, но осекся. Ян молча сделал шаг вперед, и его синий кристалл засиял нестерпимо яркой звездой. Янек почти не видел Балока размытым взором, но шел будто на тепло его тела.

Нервы Балока, и без того расшатанные годами, не были склонны к терпению. Сержант рванул к Яну и его кулак в стальной перчатке стремительной кометой понесся к лицу рядового.

Но Янек не стал уворачиваться. Вместо этого он поднял

руку и своей перчаткой поймал удар. Затем, будто бы совсем без усилия, с пустым холодным взглядом акулы провернул руку наружу. Раздался гадкий хруст ломающейся кости.

– А-А-А-А-А-а-а-а-а!!! Сволочь, ты сломал мне руку... Я убью тебя!... – Балок баюкал свою правую руку с торчащей из запястья костью левой, пятясь назад. – Ты за все ответишь! Ты и твой сраный дружок-аристократишка, крыса этакая! Дьявол, как же больно!...

Но Ян не слышал его криков. Он стремительно шагнул к сержанту вплотную, схватил за лацкан формы. Удар, второй третий - лицо недавно казавшегося страшным человека превратилось в стонущие и скулящее месиво из кожи, крови и зубов. Метнувшаяся змеей рука обхватила горло Балока, вторая легла сверху. Ноги сержанта оторвались от земли, его тело трепетало в свете кристалла среди мрака комнаты. Ян почти не ощущал, как его пальцы сжимаются.

– ...С-стой-й... П..прошу... Н-не надо... – хрипел сержант, харкая кровью, но с тем же успехом он мог просить пощады у мертвеца, оказавшись с ним в гробу. Он пытался вырваться, посылая импульсы в свой кристалл, но с тем же успехом мог бы бороться с лавиной, несущейся с горы.

Янек слегка поморщился, и шея Балока влажно хрустнула, переломившись. Его глаза закатились, язык вывалился наружу. Ян с трудом разжал одеревеневшие от нагрузки пальцы, и безжизненное тело с гулким стуком ударилось о доски.

Теперь все. Но что теперь? Янек стоял во мраке комнаты, и в голове его колоколами звенела тишина. И в этой тишине зарождался страх, какого он не испытывал за всю жизнь. Он убил человека?! Тело начало тяжелеть, Хлад отступил. Теперь он снова был тем же Яном, что и прежде, вот только обстоятельства были уже совершенно другими. Краем уха он слышал, как шевелится и кряхтит Габби, пытаюсь встать. Получалось у него плохо, потому что одной рукой он держался за левую половину лица. Из под руки темной струйкой сочилась кровь.

Янек помог Габби подняться:

– Как ты? Как лицо? Тебе здорово досталось. – Ян пытался осмотреть товарища, но Дрей никак не отнимал руку от лица.

– Жить буду, а вот красавчиком мне уже не быть. Похоже, левый глаз лопнул - я не могу его нащупать. Как же жаль... – На оставшийся глаз Габби навернулась слеза. Сморгнув ее, он огляделся. – Что тут произошло?...

Увидав щенка, старой тряпкой лежащего у стены, он замолчал.

– Знал, что в итоге так и случится... – и в этот раз Габби не справился - слезы покатались по щекам, смешиваясь с кровью из разбитого носа. Тихо всхлипывая и утираясь, он опустил глаза - и наткнулся взглядом на тело сержанта. Дрей замолчал на минуту, а затем промолвил в тишине:

– ...Тебе надо убираться отсюда, Ян.

Янек тупым непонимающим взглядом уставился на товарища.

– О чем ты? Куда убираться?

Габби резко придвинулся к Яну и зашептал:

– Беги отсюда, куда угодно! Остальные скоро вернуться.

Если будешь здесь, тебя повесят как изменника. Лучше быть живым дезертиром, чем мертвым мстителем, верно? – Дрей выглянул в окно, высматривая, нет ли кого поблизости.

– Но как же ты? Тебя ведь тоже арестуют. Я тебя не брошу!

– Через пять минут я подниму тревогу. Сюда сбегутся со всего корпуса, – отрывисто и быстро заговорил Габби, – я скажу, что ты убил Бивока и попытался сбежать. Я пытался тебя остановить, но ты ранил меня и скрылся. Им придется мне поверить, иначе мой отец будет в гневе. Ха-ха, да я так буду даже выглядеть героем! Я задержу их, сколько смогу, но тебе нужно скрыться. Надёжнее всего будет в бедняцких кварталах – мы знаем все места, куда заглядывают патрули. Будет несправедливо тебе сдохнуть из-за этой мрази. – и Дрей презрительно сплюнул на грудь Бивока. – Да не стой же ты, друг! Беги! – и Габби толкнул Янека к выходу рукой.

Ян просеменил к двери и обернулся:

– Габби... Спасибо. Ты мой единственный друг.

Тот взглянул на него оставшимся глазом, изобразил разбитыми окровавленными губами подобие улыбки:

– Как ни странно, могу сказать то же самое. А теперь убирайся отсюда, придурок!

***

Янек Трагт неся по заснеженной дороге во тьме и тишине. Он бежал без остановки уже четверть часа, на пределе своих сил. Измождённый, он перешёл с бега на рысь, а затем и на шаг. Ян двигался в сторону нижнего города, его единственной надежды на спасение. Как ему выжить там, где он появлялся только для патрулей? Что ему делать теперь, когда он убил человека?

На все эти вопросы он обязательно найдет ответ. Но сперва нужно умудриться выжить.

Янек остановился, взглядываясь в ночь, и выдохнул густое облако пара:

– Этого просто не может быть... Кошмар какой-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.